

Валерий Старжинский

Валерий Павлович Старжинский – родился в 1950 году. Окончил с отличием физико-математический факультет Минского педагогического института им. А. М. Горького. Работает в должности профессора кафедры философских учений Белорусского национального технического университета. Является одним из разработчиков концепции проектирования Парка высоких технологий Республики Беларусь, автором четырёх патентов на изобретения, двух стартапов. Работает на стыке научной и художественной культур. На протяжении десяти лет им разрабатывались сценарии серии телепередач на ОНТ, в ток-шоу «Выбор» и на СТБ в ток-шоу «Такова судьба» по проблемам противодействия антикультуре и духовной деградации молодёжи. Печатался в журналах: «Берега», «Полымя», «Белорусская думка», «Наука и инновации», «Адукацыя і выхаванне», периодических изданиях: «Беларусь сегодня», «Республика», «Настаўніцкая газета», «Семь дней» и др. Член редакционного совета журнала «Берега». Опубликовано 17 монографий и учебных пособий, свыше 600 публикаций, из них 3 повести, несколько рассказов, эссе, рецензий и метарецензий. В целом более 30 произведений на художественно-публицистическую тематику.

ЖИЗНЬ И ВОЙНА

Повесть

Посвящается 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Перед вами необычная и оригинальная книга. Она посвящена 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Война как бы разрывает сюжет на две неравные части. Но хотя война и выступает одной из центральных тем этой книги, её главным сюжетом является жизнь. Жизнь простой белорусской женщины! Судьба этой женщины весьма типична для нашей страны и того исторического времени, которое здесь охвачено. Если бы вы спросили практически каждую женщину того же возраста, что и героиня книги, вы услышали бы похожую историю, которых я сам слышал в своей жизни немало, так как много расспрашивал пожилых людей об их жизни, о тех, ещё совсем исторически недавних временах. Поэтому можно сказать, что автор в своей книге отразил в судьбе простой белорусской женщины судьбу целого поколения.

Жанр произведения неординарен. Автор выбрал в качестве повествования рассказы нашей соотечественницы, в которых представлены наиболее яркие моменты её жизни. В этой повести изложена история, можно сказать, отображена судьба уроженки Полесья Лидии Григорьевны Прокопович (Бакунович), начиная с её детских лет, когда воспоминания человека наиболее полны богатых эмоций и ярких переживаний и остаются в памяти навсегда, включая трудные и трагические годы войны и заканчивая послевоенным временем. Стиль книги живой, непосредственный, светлый, доверительный, точно отражающий чувства, мысли, переживания, саму жизнь героини.

Читая эти строки, видишь, как бывает сложна, полна неожиданностей, тяжких трудов и забот, но вместе с тем и простых радостей и утешений человеческая жизнь. Как тут не вспомнить слова Я. Коласа из его бессмертного произведения «Новая зямля»:

*Эх ты, жыццё, жыццё людское!
Няма табе, няма спокою:
Ты суматоха, вір бурлівы...*

Выбор автором героини своего произведения не случаен. Это обычная женщина, на долю которой выпали тяжкие испытания, через которые проходила наша страна на протяжении прошлого века.

Нелегка судьба Беларуси. Находясь на перекрёстке культур и цивилизаций, много вынесла она на своих плечах. Много пришлось ей пережить в уже ставшем историей XX веке. Это – потеря наших территорий, которая явилась результатом несправедливого Рижского договора, заключённого третьими, по отношению к нам, странами, к заключению которого даже не допустили белорусов. А это вылилось в жёсткую ассимиляцию, ополячивание белорусского населения, находившегося в составе Польши. Ведь даже сейчас подавляющее большинство небелорусских историков и политиков рассматривают период с 20-х по 39-й год вне контекста интересов белорусского народа, как будто бы его и не существовало вовсе. Это Вторая мировая война, во время которой Беларусь потерпела огромный ущерб, если сравнивать со всеми своими соседями, и при этом героически сражалась с немецко-фашистскими захватчиками. Тем не менее интересы нашего народа оказались ущемлены в процессе послевоенного мироустройства этой части Европы. Это тяжелейшие послевоенные годы восстановления страны, со второй половины 40-х и до начала 60-х лёгшие тяжким бременем на плечи белорусов. Это годы активного развития Беларуси во всех сферах общественной жизни: экономике, промышленности, сельском хозяйстве, науке, культуре, социальной жизни, вплоть до начала 80-х. Это годы экономической, социальной и духовной деградации, Чернобыльская катастрофа, «лихие» 90-е, последствия которых мы ощущаем до сих пор, особенно если говорить о духовной и культурной сферах жизни общества.

Столько эпох и столько переломов пережила наша страна, и все они выпали на долю того поколения, которое нам представляет в своей книге автор! Он, несомненно, сделал великое дело – в жизни конкретного человека, как в капле воды, отразил череду сменяющих друг друга столь разных, трудных, знаменательных исторических периодов. История зачастую неласково обходилась с белорусами, но пережитое ими сформировало их миролюбивый, рассудительный, осторожный характер. Может быть, именно поэтому так сильны в нас отвращение к насилию, любовь к справедливости, желание спокойной и радостной жизни.

Христофор Филалет, один из белорусско-украинских мыслителей, писал в своём «Апокрисисе», что цель его книги в желании предупредить ложные представления «в нынешнем, а тем более в будущих веках, которые будут беспристрастно судить о вещах». Так и эта, написанная профессором В. П. Старжинским, повесть даёт нам срез исторической реальности, через которую прошёл наш народ. Она объективно и глубоко отражает его судьбу и не оставляет пространства для искажений и фальсификаций нашей истории.

Значимость написанной В. П. Старжинским книги трудно переоценить. В ней и типичная история судьбы простого белоруса, его мечты и надежды, любовь и боль; и грани ушедших эпох, с их радостями, трагедиями, утратами и свершениями; и глубокое понимание и мудрость жизни. Книга подкупает своей искренностью, глубиной человеческих переживаний, простотой и открытостью человеческих чувств и отношений. Она поражает количеством выпавших на долю нашего соотечественника испытаний, которые он смог перенести и остаться человеком. Она исключительно ценна для каждого из нас и особенно для молодёжи, поскольку позволяет увидеть истинную жизнь старшего поколения, на их примере убедиться, насколько силён, глубок, благороден и верен долгу наш человек. Героиня книги является для каждого из нас примером стойкости, веры в добро и справедливость, способности вынести любые испытания, победить и построить свою жизнь на основе самых высоких человеческих ценностей: стремления к совершенствованию, любви, материнству, созиданию. Она способна укрепить дух каждого человека, направить его жизнь в конструктивное русло, помочь в трудную минуту, найти путь выхода из самых сложных жизненных перипетий. Эту повесть надо читать всем, чтобы не забывать о судьбе нашего народа, наполняться верой в его силу и способность перенести любые испытания, укреплять фундамент своей души и направлять свой путь к великим свершениям.

*доктор экономических наук, профессор,
академик НАН Беларуси П. Г. Никитенко*

ВВЕДЕНИЕ

Про героиню повести. У меня спрашивают, зачем тебе писать повесть о незнакомой бабушке, которая всю жизнь прожила в деревне. Она никогда не была нигде дальше своего райцентра. У моей героини два класса образования, а «третий – коридор» (по её словам).

Про смысл настоящего человека. Дорогие критики, я написал повесть о настоящем Человеке (извините за совпадение с известной повестью Б. Полевого) – истинном представителе белорусского народа, преданном гражданине своего отечества, мудрой женщине, заботливой матери и супруге, неравнодушной к проблемам других людей. Смысл «настоящести» заключается в том, что ничто таких людей не может сломать – ни физически, ни духовно. Большие испытания делают их более зрелыми, мудрыми и светлыми. Слова бессильны, чтобы выразить чувства, которые охватывают 11-летнюю девчущку при встрече с волком на расстоянии вытянутой руки. И как жить дальше, когда на глазах у неё, фашисты – звери в человеческом обличье – убивают маму и сестру.

Про образование. Его нельзя оценивать по количеству учебных заведений, которые окончил. Это всё равно, что оценивать сытость (отсутствие голода) по количеству меню, с которыми ознакомился. Образование – это умение личности правильно и с достоинством решать возникающие проблемы.

Про войну. Главное, чтобы не было войны. Эти слова мы, послевоенные дети, воспринимали серьёзно и понимали их смысл. К сожалению, ситуация изменилась. И мне совсем недавно в качестве упрёка и с насмешкой повторяли это заклинание-молитву про войну. Так вот, чтобы понять смысл этой фразы, война – это самое большое горе для всех, предлагаю сомневающимся поступить так, как довелось моей героине. Ступайте в лес зимой без еды, жилья, воды, спичек и соли и переночуйте там хотя бы неделю. А ей довелось жить в лесу две зимы. При этом эта «жизнь» протекала под страхом быть обнаруженной и убитой, как мама, сестра, односельчане.

Про смысл повести. Перед вами маленький фрагмент жизни – подвига белорусов в прошлой войне. Но не надо забывать, что это повествование и про трагедию белорусского народа. Про огонь войны, который опалил и военных и гражданских, и мужчин и женщин, и стариков и детей. Страшное горе принесла война **всем** белорусам без исключения. И они хорошо понимали, что главная ценность – мирное небо над головой. **ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ.** Именно этому посвящена повесть.

Настоящая повесть написана по воспоминаниям удивительной белорусской женщины, **Прокопович (Бакунович) Лидии Григорьевны**, которая родилась на Полесье на границе двух братских республик – Беларуси и Украины. Первые девять лет прожила в панской Польше. Как известно, с 1921 по 1939 год Западная Беларусь была под польской оккупацией. Неполных два года удалось прожить мирной жизнью в Советской Белоруссии. Во время Великой Отечественной войны Лидия Григорьевна пережила ужасы фашистской оккупации, насилия и зверств нацистских преступников и их приспешников, которые сожгли заживо её маму и убили старшую сестру. Тем не менее воспоминания нашей героини полны оптимизма и мудрости. Она прожила долгую и светлую жизнь. Лидия Григорьевна в браке родила шесть детей – пять дочерей и сына. Она помогала растить 12 внуков, 18 правнуков и 1 праправнука. Мы с ней обсуждали содержание и структуру этой повести. Очень жаль, что Лидия Григорьевна не успела с ней ознакомиться. Пусть её жизнь напоминает нам, какое горе несёт война, какой ценой досталась нам наша Победа и какие люди её ковали. На фронтах и в тылу.

Автор выражает благодарность за неоценимую помощь в работе над повестью дочери нашей героини – Вотяковой Нине Ивановне, внуку – Вотякову Александру Александровичу, а также правнучке – Славинской Дарье Валентиновне, ученице 3-го класса Микашевичской гимназии им. В. И. Недведского.

Краткая биография. **Прокопович (Бакунович) Лидия Григорьевна** (25.08.1930–06.03.2024). Место рождения – д. Тимошевичи, Житковичский р-н, Гомельская обл. Муж – Прокопович Иван Антонович (20.05.1926–13.01.2003). Отец – Бакунович Григорий Андреевич (06.01.1902 г. р.). Мать –

Бакунович (Минич) Акулина Борисовна (1902 г. р.), убита немцами в 1943 году, на 41-м году жизни. Брат – Бакунович Павел Григорьевич (1935 г. р.). Сестра – Бакунович Анна Григорьевна (1925 г. р.), убита немцами в 1943 году, на 18-м году жизни. Дедушка – Андрей Долматович. Бабушка – Пелагея Герасимовна. Прадед – Долмат, в молодом возрасте вместе с братом переехали из Вилейки на Полесье. Долмат купил земельный участок в д. Тимошевичи, брат – в д. Стеблевичи. Лидия Григорьевна окончила два класса польской школы и два класса вечерней школы при советской власти, так как в возрасте 16 лет пошла работать в лесничество и проработала там до 1951 года. Вышла замуж в 1951 году и переехала к мужу в д. Гричиновичи, где работала разнорабочей в колхозе. Муж, Иван Антонович, работал в колхозе водителем, стаж 43 года. Иван Антонович во время Великой Отечественной войны в 1944 году ушёл на фронт. В период с августа 1944 по ноябрь 1944 служил в 210-м полку связи. С ноября 1944 по июль 1945 – был пулемётчиком в 208-м стрелковом полку, получил осколочное ранение. С июля 1945 по март 1950 был водителем бронемашин. За время службы три раза принимал участие в параде войск ко Дню Победы в Киеве. Награждён боевыми орденами и медалями.

1. ИСТОКИ

Моя родословная

Мои мама и папа родились в одной деревне Тимошевичи. Они там выросли и подружились. Но жили в разных концах села. Она в Пасеровском конце деревни (мужицком посёлке), а батька в шляхетном конце, расположенном в направлении местечка Ленин¹. Именно поэтому моя бабка и не хотела, чтобы её сын брал в жёны мою маму – бедную мужичку. Она была из бедной семьи, её отец рано умер и оставил пять девок и сына. С ними жила бабка Солоха и прабабушка. По отношению к моей маме у неё была мать и бабушка.

Однако мой папа не послушал свою мать и всё равно женился, хоть на бедной, но по любви. Как потом жизнь показала, выбор был правильный. Жена оказалась увишная, рабочая и сильная. Когда они отделились от его родителей, то стали жить гораздо заможнее, чем в родительской семье. У них было всегда и сало, и молоко, и хлеб. Молодожёнам пошанцевало (повезло) – они удачно купили себе кобылку. Для этого заняли деньги у деда – соседа по имени Халимон (Филимон) под небольшой процент. Кобылка попалась справная (здоровая и сильная), тяговитая (хорошо переносила нагрузки) и справедливая (хорошего нрава), не натуриста (не рвала, не носила, колёса не ломала, зброю не рвала). Но главное, была плодовитая и заботливая мама – каждый год приводила по жеребёнку. Хозяева год подгадуют, а на второй продают коника. Вот так, копейка к копейке, и появился в доме достаток. Мама также вдобавок к работе по дому и огороду ходила на заработки в лесничество. Не гнушалась никакой работы: косить, сено грести, полоть, саженцы садить, дрова заготавливать.

Мою маму звали Акулина. Сёстры мамины: Ганна, Хведора, Ева, Лизавета. Ганна пошла в Залючичи замуж за Минич Андрея. У них было шестеро детей. Кстати, моей мамы девичья фамилия Минич. А фамилия отца Бакунович. Был один брат у мамы – Михаилко. Бабка ему варила кашу в горшке, кормила и приговаривала:

– Вот как вырастет Михаилко, то у нас будет в доме достаток. Он и накосит, он и напашет, и всё сделает.

Как-то пошла тётка Хведора полоть огород. Да тут её в поле гроза и застала. Как стало греметь да сверкать. Дождь полил как из ведра. Настоящий ливень. А укрыться от дождя было нечем. И все побежали прятаться под дуб. А молния в тот дуб и ударила. Опалило Хведору так, что на костях мясо поотделялось. Ещё одну женщину насмерть убило, а дитя, что в колыске висело, осталось цело и невредимо. А тётку мою Хведору закопали в землю для лечения, только голова торчала. И выздоровела Хведора, земля молнию оттянула. Теперь же для лечения везут в больницу, капельницы ставят...

Хведора полностью излечилась, замуж пошла и детей шестеро родила. Да только две девки остались – Тася и Альфина. Про Альфину... на Великдень (Пасху) свадьбу наметили, а она взяла да и померла к Великодню. Тася пошла работать в местечко Ленин. Пришли большевики и выбрали её секретарем в комсомольскую организацию.

Теклина мать и моя мать-то сёстры. Йович Еву немцы убили и сожгли. У неё было четверо детей. А её мужа немцы забрали в обоз товар везти в Германию. После войны он вернулся домой.

¹ Первое упоминание о местечке встречается в Летописях 16-го века и к В. И. Ленину отношения не имеет.

Под Польшей

Как нам жилось при Польше? Детство – самое счастливое время жизни. Школа, учёба, друзья – всё это было забываемо и освящено радостью и счастливой жизнью. Но было и то, что очень омрачало моё и особенно моих родителей существование. Речь идёт о системе панщины и экономического неравенства. За ягодами в панский лес пойти – квит бери (покупай разрешение на сбор ягод). Хочешь заготовить дрова, даже валежник, тоже без квита не обойдёшься. Чтобы получить право на выпас коровы – тоже надо заплатить. Лес, луг для выпаса скотины, лучшие пахотные земли – всё принадлежит панам. Можно пользоваться землёй бесплатно в случае сервитута (общего землепользования, установленного государством) или в болоте корову пасти, где растёт рыжая, жёсткая осока. Чтобы купить хорошее, выросшее не на болоте, а на грудку (высоком месте) сено на зиму для коровы, надо было ехать в Гричин. Чтобы купить делянку (часть луга для выпаса коровы), необходимо иметь деньги, равные стоимости коровы. Ну и как выжить в таких условиях простому человеку?! Правда, шляхтичам давали значительные послабления.

В школе не разрешали разговаривать на родной мове, а только на польской. В итоге получалась трясанка – дома на белорусском языке с примесью украинского, а в школе – на польском... Детская память крепкая. До сих пор польскую песенку помню.

Przybyli ułani pod okęcie,
Pukają głośno do naszych panienek:
– Otwórzcie, panienki, dziewczyny!
– O Boże, o Kochanie! Co do cholery!
Otwórz, nie pytaj, kto się pojawił,
To wojownicy, żołnierze.

Пришли уланы под окошко,
Стучат громко нашим паненкам:
– Открывайте, паненки, девушки!
– О боже, о милый! Что за черти!
– Открывай, не спрашивай, кто явился,
Это воины, солдаты.

А уланы – это воины с реки Лань. Вначале по той реке граница польская проходила, а потом советы отступили, и граница пошла по реке Случь. Когда я ходила в школу, то нас учила такая паненочка – девочка молодая, которая сама закончила восемь классов. Нас та молоденькая учителька научила петь такую песенку.

Na pieniuszku, na sosnowym,
Jaworowa deska.
Tu, na jednym końcu Maryś,
Na drugim Terezka.

На пенёчке, на сосновом,
Яворова доска.
На одном конце там Марысь, [Мариуш – официальное имя]
На другом Терезка.

Помню также не только песенки, но и тот примус (принуждение), который оказывали власти на селян для строительства дорог. Каждый должен был отработать на пана определённое время, нарушителей ждал суд и даже телесное наказание – избивание розгами. Причём мужиков секли прямо на земле, а если из шляхетского рода попадался нарушитель, то подкладывали самотканку. Розги, стояние на коленях (иногда на гречке) применяли в школе за непослушание и нерадивое отношение к школьным обязанностям. Обучение в школе было платное, а за пропуски занятий взимали штраф. Также платным были медицинские услуги. Для бедняков они были недоступны.

Перед освобождением Западной Беларуси поляки предпринимали меры по укреплению границ. Но главное, боролись со «шпионами», которые нелегально ходили через границу к своим родственникам. Нарушителей подвергали избиениям и зверским пыткам. После некоторых люди теряли здоровье, иногда даже рассудок. В те времена относительно белорусов было полное бесправие. Владелец собственности – пан, как правило, жил за границей, а именем правил управляющий, имеющий неограниченные полномочия.

17 сентября 1939 года – день освобождения Западной Белоруссии – люди восприняли с радостью. Радовались тому, что отменили панские владения и земля стала принадлежать народу. Теперь можно было свободно ходить в лес за грибами и ягодами, пасти коров, заготавливать сено. Появилась возможность заработать копейку. Бабы шли на сенокос или другие работы и пели песни. При панах больше кручинились, а не радовались. Вот только война с немцами окунула нас с головой в горе беспросветное.

2. ДЕТСТВО

Работа и забавы

Родилась я в самую, как говорят, богатую пору, когда жито жали. Это где-то после Петра. (Тогда календаря у бедняков не было и точную дату никто не знал.) Когда выдавали паспорта после войны, то дату рождения писали приблизительно, ориентируясь на церковные праздники. Особенно радовалась моему рождению бабка Пагалея. Я ей очень понравилась.

– Очень красивую девочку Бог дал. Назовём её Лидкою.

Имя она выбрала в честь матушки нашего попа, которой прислуживала сестра бабушки и которой матушка очень нравилась своей степенностью и мудростью. В это же время у дядьки моего тоже родилась девка. Но была она очень крикливая, её колыхать было необходимо постоянно, а то она никому жизни не давала. По рассказам моей бабки, я была спокойная. Покормят меня, так я сплю часами, как пшеницу продавши. Бабка моя вспоминает. В конце лета жито жали. Во время страды все уставали от тяжёлого согбенного труда, особенно бабуля, которая старалась не отставать от молодух. Ловила себя на мысли: «Пусть бы малое закричало, то пошла бы да занялась. Всё передых бы был». Подхожу. Девочка не спит и не кричит, гуляется сама с собой. Думаю, грешным делом, – и муха никакая не залезла под полох да не укусила. То причина была бы около того дитяти отдохнуть...

Так всю жизнь и прожила. Такая спокойная, не задиристая. И бабка меня любила, и тётка любила, и я всех любила и зла за душой не держала. В детстве я очень любила танцевать. Помню, дед сидел на лаве да играл на губной гармошке, а я всё танцевала без передыху. Зрители сидели и аплодировали. Зрителей было много. Жили в одной хате две невестки, свёкор и свекровь и тётка незамужняя (Марилей звали), а также моя старшая сестра Ганна (Антя по-местному) и моя двоюродная сестра, тоже Ганна. Две Анны в одной хате. Чтобы не путаться, мою сестру называли Антя. А дядькова дочка называлась Ганна (не родная дочка, дядька взял жёнку с дитём).

Пришло время, и отделились мои родители в свою хату, которую построили общими усилиями. Мама ходила работать днями на поле, а я была дома, подрастала, ума набиралась. Мама мне оставляла на целый день кружку молока и горшочек затирки. Затирка была то ли из пшеничной муки, то ли с ржаной... Не помню. Мама давала наставление:

– Вот тебе на день кушать. Молоко стоит в сподачке (чашке) и затирка. Вольёшь в горшочек молоко и будешь есть в день. А к вечеру мы все придём с поля.

Как-то прибежала ко мне подружка Вера. Она была старше за меня года на два. Гуляли мы, гуляли. А потом я говорю:

– Я захотела есть, пойду домой покушать.

– А что тебе оставили поесть?

– Мама сказала, что затирка и молоко.

– Ну, побежали к тебе. Я посмотрю твою затирку.

Попробовала.

– Ой, какая вкусная затирка.

Да хлеб, хлеб с того горшочка.

– Вера, то ты ж оставь мне чуть-чуть.

А Вера ещё пару ложек съела и побежала домой. Я смотрю в горшочек, а там ложек четыре или пять осталось. Хорошо Вера поусердствовала. Летом день длинный, когда взрослые с поля придут. Чтобы есть не очень хотелось, всё воду пила. И наконец мама с поля возвращается, я встречаю её и плачу.

– А чего ты плачешь?

– Я есть хочу.

– А что, затирка скисла?

– Не-а.

– А что же случилось.

– Вера затирку съела.

– Она что, отобрала у тебя, или ты сама ей отдала?

– Я не давала, она сама за ложку, да и съела ту затирку мою.

– Вот, ну придёт к нам, разберёмся.

Прошло день или два. Вера тут как тут.

– А ты пришла снова гулять или Лидкину затирку есть? Я тебе сейчас покажу, как меньших обижать.

Вера с хаты мелькнула и неделю не приходила. Знает кот, чьё сало съел... Затем дружба возобновилась. Вот такое детство было.

Едва исполнилось пять лет, как меня определили на работы – гусей нужно было пасти. Они перелетали через забор и делали шкodu (вред наносили) – потраву (съедали молодые проростки). Недалеко от дома был посеян ячмень и овёс, так гуси делали набеги по весне на этот огород и все молодые проростки сощипывали. Если их не отворачивать, то урожая не было бы. Гусей надо было гнать на копанки – место, где глину копали. Там были ямы с водой, где гуси плавали и всё время за мной наблюдали. Как только я где-то замешкаюсь, они тут же на посевы... Особенно противный был гусак. Всё время шипел на меня и кусал за щиколотки. Только большого дубца и боялся.

Подросла я немного, и мне поручили пасти свиней. Пастила свиней я с тютиком (щенком). Он мне особенно не помогал в работе, но был хорошим другом и придумывал различные забавы. Как-то пошили мне новую сукенку (платье). Мама давала наказ:

– Гляди, платье новое, шануй (береги). Будешь на свято (религиозные праздники и воскресенья) одевать и на улицу выходить, к бабе в гости навещаться.

Бабушка жила недалеко от нас. Но я наказы забывала, когда играла с тютиком. Я бегу, а тютик меня за платье зубами хватает, гыркает и тянет к себе, не пускает. Мне так смешно и весело. Он, как человек, всё понимал. Я тяну к себе, пытаюсь убежать, а тютик не пускает. Пока мама не осмотрелась и не забрала то платье и спрятала в куфар (самодельный ящик, используемый для хранения одежды).

– Будешь в сорочке ходить, другого платья у меня не будет.

– Не злись, мамуля. Я же не виновата, что у тютика такие острые зубки.

Как-то пошли взрослые на сенокос в соседнюю деревню Гричин. С сеном прибираться. А я решила поиграться с тютиком. Свиньи скучные и играть не умеют. Поскольку платье было под запретом, решила я надеть кожух (тулуп), который крепкий и который тютик не порвёт. Нашла я на ложку (кровати) тулуп, который лежал у изголовья, напялила и побежала перед тютиком. Ему долго объяснять не надо было. Он в два прыжка догнал меня и зубами вцепился в тулуп. Я залилась от смеха. Мне показалось, что тютик тоже радовался не меньше меня и рычал от удовольствия. А за это время взрослые прибрали сено в Гричине и мама обнаружила, что тулуп не на месте.

– Божухна милый, что это с кожухом сталося! Весь в лохмотьях, подранный в прах. И рукава, и подол...

И выразительно посмотрела на меня. А потом применила действенное воспитательное средство. Крапивою мама иссекла добре. А крапивою секти легко было. Штанов никаких, ни трусов не было. Но воспитание всё равно вскоре забывалось. Детская натура требовала забав. Никаких игрушек не было, забавы дети сами придумывали. Иногда взрослые оценивали наши игры не так, как мы думали.

– Опять нашкодила.

Но мы не собирались шкodu делать. Само так получалось. Вот какую игру мы придумали, когда пасли овец.

– Давай барана научим бодаться.

Барана за рога, с подружкой Ефросиньей:

– Баран, баран, бук. Баран, баран, бук.

Баран вырывался, не хотел букать. А потом понравилось барану букать. Убегаем мы от барана, а он вприпрыжку и за нами, догоняет и как поддаст, так мы падаем и заливаемся от смеха. Баран рядом стоит и ногой землю бьёт. Мол, вставай. Баран лежачих не бил. Потом игру разнообразили. Вдвоём от барана убегали, а он гнался за тем, кто ближе. Убегали в разные стороны, смотрели, за кем баран погонится. Хотя и баран, а решение всегда принимал правильное.

Нагодовали люди овец в селе много, каждый выпускает своих овец на пашу (пастбище). И решили объединить всех в отару и пасти по очереди. Громада решила: три овечки – день отпасвать. Кто день пасёт, кто два, а кто и три. Отара овец не разбегалась, держались кучно. Впереди шли старшие, опытные овцы и бараны. За ними – молодняк. Иногда отару возглавлял козёл – непререкаемый авторитет. Идёт отара по улице. Мы залезаем на забор и зовём:

– Шута, шута, шута, шута, чу-чу-чу-чу-чу.

И овечки бежали в свой двор. А за ними ягнята как привязанные. А баран встанет около забора, где сидим и ждёт: – Ме-е-е-е, слезайте с забора. Овечки пойдут в хлев, а мы сидим. Наконец баран надоест ждать нас, и он тоже идёт в сарай. Мы бегом к сараю, чтобы дверь закрыть. Раньше нам это удавалось. А потом баран понял нашу хитрость и стоял в сарае, готовый к атаке. Он подрос, натренировался в поединках с друзьями и если догонял, то бил так, что мало никому не казалось. Под раздачу попадали все – и взрослые и дети, и бабушка и дедушка. Настало время, что из-за атак барана сарай было закрыть невозможно. Баран стал замечательным стражником ворот. Дожили до осени и вынуждены барана резать, хоть он был не старый, справный и шерсти на нём было богато. Но...

Вот такое было у нас детство, весёлое, трудовое. Всё время были при деле. Среди братьев наших меньших. Всё время придумывали себе забавы. Игрушек мануфактурных у нас не было. Где, кто их купит и за что? Сами шматы для ляльки крутили.

Как подросли, стали в подвижные (коллективные) игры играть, например, у того же палянта. Для этой игры нужен был мячик и бита. Среди играющих выбирают двух выкупников, и по два человека идут загадывать. Например, я буду дуб, а ты будешь берёза. Подходим мы к выкупнику и спрашиваем – дуб или берёза? Один выбирает. Например, называет дуб, другому достаётся берёза. Опять предлагается сделать выбор. Например, кошка или кот. Потом круг рисовали и в него к стене прислоняли биты. Потом берём палку и ударяем по мячику, а напарник бежит за мячиком и старается забросить в круг, где стоит другой напарник. В общем, эта игра типа русской лапты.

Мячик был не резиновый, как сейчас. Его вырезали с губы берёзовой (гриб чага). Чага выросла на берёзе, иногда на лежачей. Главное, найти старую губу – упругую и толстую, чтобы вырезать мячик достаточно большого размера. Он не отскакивал, как резиновый, но был немного упругий и летел далеко. А если высохнет, то больно ударял. И его нужно было менять.

Вот был случай. Я играла выкупником, а Людвися была первый номер. Она ударила и не попала по мячику. И стоит, ждёт, когда я ударю по мячу. И все побегут за мячиком. Потом снова будет наш черёд ударять. Мы мерковали (обсуждали), как же нам выиграть. Надо очень сильно ударить по мячу, чтобы он залетел далеко и соперникам пришлось бы долго бежать за мячом. Я взяла биты, крепко размахнулась и не заметила, что Людвися близко стояла. И битой той я попала ей прямо в лоб. А Людвися схватилась за лоб: – Ай-яй-яй-яй-яй!

Однако побежали мы за мячиком вместе с Людвисей. Смотрим, а у неё вот такой синий гузак (опухоль) на лбу появился. Нужно шептать у знахарки, чтобы прошло без последствий. Шептали того синяка. Назавтра идёт по улице мама Людвиси, местное прозвище Морочанка, и ведёт Людвисю к моей маме.

– Пошли к твоей маме, чтоб она пошептала.

Пришли.

– Вот побачь, что твоя дочка сделала. Обезвечила (чуть не убил).

– Так мы гуляли в полянту.

– Какую чёртову полянту? Смотри, всю голову рассадил.

Ну, мама пошептала. Потом Людвиси некую примочку сделали, обвязали лоб, как раненому солдату. Может, за неделю зажил у Людвиси лоб. Вот такая игра была. И ранили, и лечили... Вот, про лечение.

А то был случай. Местные женщины Лена и Ксения подрались. За что, не помню. Может, причина – дети что-то не поделили. Женщины поругались вначале, а потом устроили драку. И Ксения битую побила Лену – ударила палкой по лбу. Лена приходила тоже к моей маме, чтобы мама пошептала ей удар. Мама пошептала, синяк сошёл, но Лена подала на обидчицу в суд в Ленин. Мою маму позвали в суд свидетелем, поскольку она шептала. В суде спрашивают:

– Ну, что ты скажешь? Ксения била Лену?

– А я не видела. Я не знаю.

– А к тебе приходила Лена, чтобы ты шептала?

– Ну, приходила. Она сказала, что надо пошептать удар. Чем-то там ударилась. А кто кого бил, я не видела.

Судья спрашивает мою маму:

– Расскажи, как ты шепчешь, чтоб это помогло?

– Ой, мне стыдно говорить такие нехорошие слова.

– Ну, говори. Расскажи, как ты шепчешь. Как надо шептать, чтобы это помогало?

– А я знаю, помогло ей или не помогло? Лене пошептала, говорит, помогло.

– Ну, расскажи, как же ты шептала.

– Шепчется так: шёл удар по крутой горе, нас Ёру батьку, матери и тебе.

Судья как рассмеётся и спрашивает:

– А батьку и матери за что? И ты так шептала или шутку рассказала? Ну, садись.

Посмеялись и не засудили никого.

Будешь рябая

Меня часто брали за няньку наши родственники. Как-то приезжал дядька Рыгор волом и вёз меня к Тасе, чтоб не боялася быть одна дома. Вот с Тасей мы играем, играем, потом подерёмся. Тася как-то говорит:

– У нас ласточки в сарае завелись, в гумне.

А я говорю:

– Ой, холера их бери, и у нас они живут.

– Пошли да разорим гнездо.

– А ты почему сама не разоришь?

– Я боюсь.

– Чего ты боишься? Возьми вилы да разори.

– Пошли да разорим.

– Пошли, подай эти большие вилы.

– На, пори.

Я порнула, гнездо кублей (кубарем) упало.

– О, теперь будешь рябая, рябая. Будешь рябая.

Я пошла на двор, села и плачу.

– Ты специально подала мне вилы, чтобы я была рябая?

– Не реви. Я знаю, что сделать, чтоб не быть рябой. Пойдём, да в том коритце, что коровы воду пьют, умоешься.

– Что, не буду рябая?

Я мылася, мылася – помылася. Пошли в хату. Тася опять:

– Всё равно будешь рябая. Это тебе не поможет.

Я пришла и сажу в хате. Напротив окна. А там под окном они хранили картофель. Сделали открытый бург (картофелехранилище) до зимы. Поперёк того хранилища лежало две доски. Смотрю, идёт Тася по этим доскам. Я набрала в корец воды да и облила её водой, а сама забежала в хату и закрылась изнутри. Тася – бубух в эту яму, вылезла, подбежала к окну и опять за своё:

– А всё равно будешь рябая, рябая. – Ну, как же не драться?

Прошло время, голод примирил, поладили.

– Давай будем есть. – Поели, что нам оставили.

– Давай играть в прятки. – А куда прятаться? Ну, я Тасю нашла, Тася за бочками спряталась.

А я решила в бочку залезть, а там было просо. Туда-то заскочила, а назад не могу вылезть. Просо как

вода под ногами переливается. Не во что упереться. Ну что же делать? Тася решила меня вытянуть, не получается, я важкая (тяжёлая). Если опрокинуть бочку, то просо высыплется. И я придумала. Тася мне подавала разные вещи, а я мостила под ноги и так выбралась, и бочку не опрокинули. Назавтра мама немного проса на полу нашла.

– А это что? Почему просо на полу?

– То мы в прятки играли. Да в бочку прятались.

– Вот придумали. Могли же чего угодно в просо насыпать, – ворчала мама.

Потом подмела пол, а просо курам высыпала.

Как стать счастливой

Теперь хорошо растить детей, а никто не хочет. В семье один, ну два ребёнка. А если три – то семья считается многодетной. Не успеет ребёнок родиться, а ему покупают одежды разные, памперсы-шамперсы, коляску-маляску и много всяких игрушек. Когда мы росли, у нас не было ничего покупного, не было за что покупать. Да и не выпускали, наверное, детскую одежду и обувь в таком количестве, чтобы всем хватило. В моём детстве шили детскую одежду сами родители или их родственники – портнихи, и сами изготавливали обувь.

Моего папу один еврей, который жил в местечке Ленин, попросил, чтобы папа привёз ему какого-нибудь ломачья (хвороста) топить печь. Ну, папа насобирает какого-то ломья полный воз, да и завёз на седибу просяку (на усадьбу просителю).

– А что тебе дать за это гальё?

А папа говорит:

– Вот у меня девочка ходит в лапоточках. Может, у тебя есть какие-нибудь башмачки для неё?

– Есть у меня для неё резиночки (резиновые галоши) новенькие. – Ну и дал папе резиночки.

Как привёз папа те резиновички мне, ай. Сколько было радости, до сих пор вспоминаю то счастье, которое на меня нахлынуло. Блестящие, чёрные, а внутри красная подкладка, и с ремешком, на пуговицу застёгивались. Грешным делом подумала: вот выйду завтра на село, и Верка и Фроська обзавидуются. Расставаться с башмачками не хотелось. Легла спать, башмачки под подушку положила. Долго не могла уснуть, всё думала, как завтра подружек удивлю. А может, не могла уснуть по другой причине – они пахли необыкновенно. Я раньше таких запахов никогда не слышала. Я их достала из-под подушки, лизнула, поцеловала, положила на место и наконец уснула. Однако назавтра взрослые не дали одеть башмачки. Наконец наступило воскресенье. Первым делом решила показать башмачки лучшей подружке – любимой бабушке. Там живёт и Ефросинья (дядина дочь). У неё тоже нет таких башмачков. Вот и ей похвастаюсь своими туфельками. Наспех поела, собралась, надела новые башмачки и пошла к деду с бабой. Точнее, не пошла, а полетела на крыльях. А на улице подмёрзло. Я решила идти не через огород, чтобы не загрязнить волшебные башмачки, а тропинкой. По дороге встретилась небольшая, но глубокая яма-копанка (копали глину), которую все обходили, потому что она всегда заполнена водой. А теперь вода замёрзла и покрылась блестящим льдом. Мне стало интересно – лёд уже крепкий или слабый, удержит ли меня. Я осторожно попробовала одной ногой – держит, стала другой – держит. И тогда я оттолкнулась и заскользила по льду. Думаю, вот красота. Башмачки можно ещё и как коньки использовать. Однако до другого берега не доехала совсем чуть-чуть и остановилась. И тогда я прыгнула на берег, а нога, которой я отталкивалась, провалилась под лёд. Я быстренько её выхватила из воды и очутилась на берегу, а башмачок слетел, зацепился за лёд и пошёл ко дну.

А я стою на одной ноге, как буслик, и кричу, кричу на всю деревню. И папа прибежал, и мама прибежала, и дед, и бабуля.

– Что случилось спозаранку, что так дитё кричит?

Папа меня под мышку и понёс домой.

– А башмачок?

– А башмачок утонул.

– Надо достать.

– Пусть пока полежит до завтра. Потом достанем.

Ой-ой-ой. Что было крику! Неопишуемая радость сменилась безутешным горем. Вся надежда была на папу и завтрашний день.

А назавтра мороз ударил нешуточный, и башмачок зимовал на дне копанки. Пока не пришла весна. Папа взял грабли и достал того башмачка. Мне его не показывали до Пасхи. Высушили его. Ну, он сильно постарел. Перестал блестеть, красная подкладка отклеилась и стала серая. Я всё-таки ждала этого момента всю зиму. И когда надела – одна нога блестела, а другая была никакая. И радость моя улетучилась.

И папа решил мне настроение поднять. Пошёл он в местечко Ленин и купил мне и Павлику по конфете. Одна конфета стоила одну копейку. Я папу обняла крепко, поцеловала, и опять счастье ко мне вернулось. В общем, жизнь наладилась. А мама за эту бесполезную трату денег папу отчитывала:

– Что ты приучаешь этих детей? Съели они по конфете или нет, одна польза. А если что серьёзное покупать и копейки или двух не хватит – товар никто не отпустит. – Вот такое было наше детство. Но оно было прекрасной порой. Если бы не война и гибель мамы и сестры.

Без вины виноватая

Взрослые нас оставляют дома, а сами – на полевые работы. Ну а я играю целый день с одногодкой Фресыней – моей двоюродной сестрой (дочкой брата моего отца). Живём отдельно в своей хате, а Фресыня вместе со всеми. Там все – дед, баба, тётка, дядя и две сестры. Мы игрались между собой, нам казалось, что ничего плохого не делали, а оказалось, что напакостили хуже некуда.

Как-то зашли мы под навес, там стояла повозка, мы на том возе гарцевали. Смотрим, а там стоит велизный чугунок с ушами (проушинами), а в нём дёготь – смола, которой колёса смазывают. Эта смазка на солнце нагрелась, блестит и нас притягивает, как мух к мёду. Сперва окунули палец, медленно стекает и тянется-падает, как толстый червяк. Потом стали на руку мазать, рука блестит как лаковая, прямо солнце отражает. Затем обе руки сверху покрасили. Потом руки опустили в смолу и все ладошки и пальцы – все покрасили, нигде белого не оставили. Красиво так сделали. Фросыня дальше пошла и щёки намазала. Я решила не отставать. Смотрим друг на друга, хохочем – загляде-нье. Никогда такими красивыми не были. А пока щёки мазали, то слегка на косы попало и на шею накапало и на сорочки. Я говорю:

– Давай смывать. На сорочки попало. А то баба увидит – заругает.

А тут и баба. Легка на помине:

– О Господь милостивый. Что это вы натворили! – Посмотрела: – Хорошо, что того чугунок не перевернули, а то не было бы чем колёса мазать. Вы знаете, зачем нужно смазывать колёса? Чтобы легче было ехать, потому как сухие колёса то даже вол с трудом потянет. А вы себя зачем намазали? Сейчас я вас отмою.

Баба за крапиву. Там, за сараем, она её специально выращивала для нас. И давай крапивой хлестать. Фресыне меньше досталось, а меня хорошо бабка отходила. Я как начала кричать, прибежала моя мама и на бабку:

– А что это ты делаешь?

– Что делаешь? Посмотри. Они же не на детей, а на чертей похожи.

Ну, мама меня повела домой. Всё снимала с меня и сорочку. Мы только в одних сорочках бегали. Налила в ночвы тёплой воды, взяла мыла кусок и давай меня мыть. Моёт и приговаривает:

– Моём, моём, чисто, чисто трубочиста.

Вода уже сделалась чёрная, а дёготь не отмывается. Вылила мама ту воду, другую налила и давай снова меня мыть. Обмыла, передела в чистую сорочку. И взявши тропкача, давай учить. И опять, сорочку задравши, по всём нахвостала, нахвостала и отправила спать на кровать. Я легла и уснула как убитая. А мама потом ворчала, что кусок мыла на меня израсходовала, пока меня от того дёгтя отмыла.

Прошло время. Про дёготь мы забыли, да и убрали его в сарай, чтобы на глаза не попадался. Но мы бы и сами опять не полезли, учёба шла на пользу, и мы уроки запоминали. Правда, ненадолго.

Фресыня как-то играла в саду у бабы. Меня позвала. А у бабушки в саду одна яблоня росла. Сорт – цыганка. Расфуфыренная такая, на две большие ветки раскинулася. А яблоч на ней – не перчень сколько. Цыганкой называлась потому, что яблоки были чмурые такие (смуглые), большие и твёрдые. Зуб не вобьёшь. Всё лето они были кислые, даже немного горьковатые. Есть невозможно. А рвали их, как начнётся заморозок, пока иней их не переберёт. И тогда бабушка их снимала и складывала в такие кадушечки – бочечки с крышкой. И целую зиму нас всех этими яблоками частовала (угощала). Каждый день давала по одному. А когда их оставалось мало, то разрезала яблоко на двоих.

И вот Фресыня решила залезть на эту яблоню. И меня зовёт:

– Давай, залезай и ты. Я на одну ветку, а ты на другую.

– Нет, я не полезу, а то баба будет ругаться.

Забралась она на ту яблоню. И решила получше примоститься. А яблоня взяла да и разодралась до самого долу (земли). Она так напололам и развалилась. И упала одна сторона, а потом и другая. Я говорю:

– И что теперь будет? Как яблоню связать вместе?

И тут баба приходит:

– Ах, а что это вы наделали?

Фресыня говорит:

– А это не я, это Лида.

Баба опять за крапиву и давай меня невиноватую хлестать той крапивой. А Фресыня убежала и спряталась до вечера.

А ещё был случай на поле. Мама с папой жали серпами жито. Уже дожинали. Ну а мне скучно там, и я им мешала работать всякими вопросами и просьбами. Около мамы не очень покрутишься, а около папы было проще.

Мама говорит:

– Беги в тот ягодник, насобирай жменьку (пригорщи) ягод и нам принеси.

Предложила занятие ребёнку, чтоб не приставала. Я и побежала в тот ягодник. А была босиком. Слышу, что-то журчит. Я решила посмотреть, что там журчит. Постояла, посмотрела никакого жука не увидела. Только хотела уходить, как меня кто-то за ногу укусил, за палец-мизинец. Я закричала:

– Мама, ох, меня жук за ногу укусил, – и бегом к маме.

– А ты видела, что жук?

– Нет, я не видела.

– А откуда ты знаешь, что жук?

– Он журчал.

– Как он журчал?

– Ш-ш-ш

– Шипел? В ягоднике?

– А я хотела посмотреть, что это за жук.

Мама посмотрела на мою ножку, за меня и побежала. Понесла к бабке, которая шепчет гадюку. Той бабки не было дома, на поле работала. Понесла на поле. Люди подсказали, где, на каком урочище того поля. Занесла туда, и бабка пошептала от укуса змеи. Ну, у меня нога очень долго болела. Укусила гадюка поздним летом, а к бабке ещё носили на лечение до первого снега. Почему к врачу не возили? Потому что тот врач за десять километров находился. Не было времени к нему ехать. Все были заняты работой. Жито сжали, потом снопы надо свезти в сарай, потом обмолотить, потом копать картофель, потом... Осенью день год кормит. Убрать урожай надо было обязательно, иначе зимой есть будет нечего. Поэтому никто никуда поехать не мог, да и денег не было на лекарства.

Отдых в воскресенье

Как-то погнали мы с сестрой Антею коров пасти. Решили загнать стадо в тот гаёк, который рядом с житнёвым полем, и хорошенько напасти, чтобы скоро наелись коровки. Потом пригоним домой, а сами будем гулять. Дело было в воскресенье – выходной день. Решили – сделали. Загнали мы коровок, всё идёт по плану. Паша хорошая, трава сочная. Одна сестра с одного боку, другая с другого, потому что между житом этот гаёк находился. Вот соседка свою корову пригнала в стадо:

– Ой, девочки, вы не видели, какой хорошенький воробышек здесь живёт?

Да руку свою шась туда в дуплянку (дупло). Около поля старый дуб стоял, велизарный. Мы не видели той дуплянки. Вынимает она воробышка. Такого хорошего-прехорошего. Но это был не воробышек, а сойка вывелась в том дубе. И голубой цвет на ней, и синий, белый, чёрный, как на крыльшках, так и на головке.

– Ой-ой-ой. Красота какая.

Поглядели мы на птенца и решили посадить его назад в тот дуб.

– Дайте мне.

– Ай, нет, ты задушишь.

Соседка посадила птенчика в гнездо. А я думаю сама себе: «Я его достану из этого дуба, занесу домой да покажу всем детям. Пусть посмотрят, какой он хорошенький, этот птенчик». Направила я от своей стороны коровы в сторону Анти, а сама бегом к тому дубу да и вложила в ту дуплянку свою руку. Не достаёт моя рука до того птенчика. Я подложила палочку под ногу, чтобы было повыше. Чуть-чуть ещё осталось. Я подпрыгнула, а моя палочка-подставочка хрясь и переломилась. А я на своей руке повисла. Ноги не достают до долу. А сестра зовёт:

– Лида, Лида, где ты, что коровы в жите?

– Так на дубе вишу. Помоги, а то рука оторвётся.

И стала громко плакать, потому что очень болела рука.

– А-а-а, как это ты? Потерпи.

Сестра прибежала к тому дубу и помчалась выгонять коров с жита. Коров отвернула и скоренько вернулась. А я вишу на руке.

– Ай-яй, что ж теперь делать? Как это тебя угораздило?

– Палочка обломилась. Видишь, дуплянка широкая, а внизу сужение. Вот в этой расщелине моя рука и застряла. Подними меня повыше, чтобы я руку освободила.

И сестра давай подтягивать меня вверх, чтобы руку вытащить. Крепко затиснулась рука, сил не хватает, чтобы вытащить.

– Давай не поднимай вверх, всё равно не получится. Попробуй тащить вниз за руку. Может, вылезается. Ой, хватит! Не тяни. Руку оторвёшь.

– Потерпи ещё маленько. Я сейчас.

И что есть духу помчалась в гаёк. Прошла целая вечность, пока она вернулась. Тащит какой-то пенёк. Подмостила мне под ноги и командует:

– На пальчики вставай и руку вверх ослабаний (освобождай).

Я встала на эти подмости и руку вверх пытаюсь вытащить из этой расщелины. Наконец всё получилось. Освободили мою руку и меня целиком. Птенчика не трогали. Было не до него. Рука вся обдранная, кровь сочится. Коровы пошли по всему житу. Сестра за мой платок, обмотала руку и опять коров из потравы выгонять. А кора под дуплянкой окровавленная и вся подранная, как будто её собака погрызла. Платок и платье на боку покраснело от крови. Гоним мы стадо домой, мама нас встречает.

– Божухна милостивый. Хиба волк на тебя напал? Кто это тебя так погрыз?

– Сойка виновата.

– Какая сойка? Антя, что это с ней?

– Это она хотела достать сойку из дуплянки. Да повисла на руке.

– Оо боже ж мой, о милый мой.

Загнали домой корову. И мама стала меня лечить. Налила в ночвы (корыто) воды, обмыла меня. Скинула с меня это всё. Обмыла руку, замотала, разодрала старую полотняную сорочку и шматкою прямо на раны. Надела сухую сорочку, помытую. И опять взялася за трапкача и схвостала меня трапкачом этим. Трапкач – полотенце такое, когда ткут кросна, то до конца до пруточков не доходят, а отрезают, остаются такие нитки. Затем те нитки повыют в шнуручки, а на концах узелочки позавязывают. Такой трапкач был в каждой хате, и всех детей учили этим трапкачом. Дети знали, зачем висит рушник-трапкач. Нашкодили – отведай трапкача. И детям хвось, хвось. И болюче, и не вредно, и педагогично. Вот так мы отдохнули в воскресенье.

Дедуля

Меня дед часто брал на делянки в лес на разные крестьянские работы. Многие люди часто ездили на такие работы ночью, чтобы спастись от заеди (гнуса). Днём слепаки (оводни) на болоте нападали на коней и на людей. Спасу не было. Дед был не дужий (старый, слабый), и я была малая, кто коня удержит, когда его оводни облепят и начнут кусать. Конь спасается от заеди, как может – мчится галопом, не разбирая дороги, домой. Но дед ночью боялся ездить, бо волк коня может загрызть, которого выпрягали из телеги, чтобы он кормился сочной травой. Зачастую дед брал меня с собой, чтобы я поводила коня, когда садили или обгоняли картошку. Однажды дед шёл за плугом, споткнулся и упал. Конь утямил (понял), что дед не держится за плуг, и давай убежать с делянки. Я бегу за конём, тпрукаю «тпру, тпру», однако конь не обращает на меня внимания и ускоряет ход. С плугом пробежал

около трёх километров и остановился возле нашей хаты. Что делать? Дед впрягся в телегу, я толкала сзади и потащили наш возок в тень под грушу-дичку, которая росла на нашей меже.

– Сиди на возе, а я пойду домой по коня.

Привёл дед коня, и мы до вечера орали (пахали), пока не закончили всю работу. Дед меня брал с собою, когда ездил на сенокос или за готовым сеном. Находил мне работу – огонь развести, дубцов насечь...

– Нагни берёзку, где будешь сечь, а если она будет прямиком стоять, то ты будешь долго рубить. Нагнёшь её в том месте, как рубанёшь, так она раза за три и повалится та берёзка, – поучал меня дедуля.

Потом носила те берёзки на одёнок (подкладывали под стог и укрепляли стог сверху), а дед сам делал одёнок для стога – обкладывал им стог от ветра и дождя. Воду деду подносила, когда он пить захочет, потому что вода стояла в теньке где-нибудь. Потом с дедом ездила на поле по снопы. Он меня везде брал. Я любила с дедом ездить. Дед мне рассказывал всякие сказки-небылицы. И всю дорогу мы едем на телеге и разговоры разговариваем. Я вопросы задаю, а дед рассказывает, как жили люди, когда он был маленький. С бабкой не очень хорошо было на поле работать, потому что там комары кусали да всякая такая заедь и мошкара. С дедом на возе было ехать любота. Я любила ездить помогать деду.

Запомнился случай, когда мы с дедом поехали за гречишными снопами. Гречаные снопы малые, поскольку гречка низкорослая. Дед меня на воз посадит, я на телеге выкладываю снопы рядками, а он мне подаёт вилами те снопы и командует, куда что класть. Вначале надо было положить крайние ряды, а затем верхними снопами прикрыть нижние, чтобы всё держалось и не разваливалось.

Ну, уложили те снопы кое-как, потом дед подаёт мне на воз рубля (жердина в диаметре сантиметров пятнадцать и длиною метра на полтора длиннее телеги). Я укладываю того рубля точно посередине телеги, и начинаем утискать (ужимать) эти снопы, чтобы довести до дома. Под руководством деда зацепляю рубель под петлю впереди воза, и дед меня ссаживает с телеги, чтобы я помогала ему ужимать воз. Дед сделал несколько оборотов верёвкой вокруг рубля, снизу телеги зацепил верёвку за специальные крючки. А дальше надо было по очереди тянуть за верёвку по команде деда, чтобы ужать воз. Дед подаёт команду: «Го! Го!» Когда раздаётся команда «Го!», то необходимо тянуть, а в промежутках между командами надо было отпускать ту верёвку. Затем дед залез на воз, стал одной ногой на рубель и опять начал: «Го! Го!» Потом поскользнулся или зацепился за рубель и оттуля гопнул долу, а ещё и меня, падая, сбил с ног. Я покатила, покатила, как колобок. И так мне смешно стало, что я стала хохотать громко, потом встала и подхожу к деду. А он лежит, как мёртвый, и мне показалось, что не дышит. Сразу мой смех пропал. Ай-яй-яй, дед убили, лежит и не ворухнется. Я за деда, за грудь и начала его тормозить, кричать: «Деду, деду». И тут дед ожил и опять: «Го! Го!» И опять меня нервный смех разбирает, однако не смею смеяться.

– Забило дух, и если б девочка не поколотила, то, может, и кончился бы на месте.

И я долго смешно вспоминала, как дед кулём упал с воза. Понимала, что сметься со старого – это грех, а дед был большой такой, толстый, очень неуклюжий дед, похожий на тюленя. Потом забрались мы на воз и едем с дедом домой. Еду на телеге, и опять на меня смех напал.

– Ай, глупое дитя, если бы ты меня не расколотила, то я бы помер, а тебе смешно.

Когда я описала деду, как он шикарно пикировал, то в конце дороги и дед стал хихикать вместе со мной. Правда, попросил никому об этом не рассказывать. Слово я своё не сдержала. Не прошло и семьдесят годков с той поры, как я вам рассказываю наше приключение. Но дед на меня не обиделся за мои хиханьки. Мне кажется, полюбил меня ещё больше, называл «моя спасительница». Вот так мы с дедом жили и трудились на мирном фронте.

3. ЗВЕРИ И ЛЮДИ

Волк и человек

Как-то папа говорит: – Пойду я покосить сено коровам на зиму, а тебя заведу на нашу делянку, просо там посеяли. Ты будешь просо полоть. Я покажу тебе, где просо и как выглядит зелье. Что надо рвать, а что надо оставлять. Тут любой разберётся, – сказал он с улыбкой. – Буду здесь недалеко. Через час приду.

Ну, папа показал мне, что к чему, и оставил одну на просяном поле, которое располагалось среди густой чащи лесной. Поле широкое, большое, нигде никого не видно и не слышно. Куда пошёл и где искать моего папу? Как-то мне стало не по себе, стало страшно от одиночества. Чтобы забыть про страх, я стала рвать пустозелье, стараясь не повредить это дурацкое просо. Однако страх не проходил, а, наоборот, усиливался. И вдруг слёзы потекли сами собой, и я заплакала в голос. Рядом никого не было, а я чувствовала приближение чего-то страшного. Никого нет рядом со мной, а я плачу по убиенной маме, плачу по убиенной сестре. Представляю, что я тоже сейчас умру вслед за ними и вознесусь на небо. И я стала оплакивать себя, стала в разору (колею) на колени и заплакала посильнее, прямо зарыдала.

И вдруг мне на голову песок какой-то сыпнулся. Я подумала, что это какой-то человек услышал, что ребёнок плачет, подошёл, и у него из лаптей песок сыпанулся прямо мне в лицо. Я боюсь открыть глаза и жду, когда он заговорит. Однако никто ничего не говорит и не трогает меня за рукав. Я подняла голову и протёрла руками глаза. Ух! Глаза в глаза я встретила взглядом с волком, который стоял напротив меня на расстоянии вытянутой руки. Глаза у него были светло-жёлтые, с большими круглыми зрачками, в которых было любопытство. Мои глаза встретились с волчьими, и никто не мог отвести взгляда. Я в волчьих зрачках вижу своё отражение: заплаканная, мурзатая девочка с открытым от страха и удивления ртом. Я на коленях сидела, медленно поднялась и стала кричать не своим от страха голосом:

– Тато, вот волк подошёл, волк! – И давай окликать папу: – Тато, вот волк! Тато, вот волк!

И я стою, не шевелю ни руками, ни ногами. И волк стоит, не шевелится. Стоит неподвижно. Смотрю ему в глаза, а он в мои. В общем, устроили гляделки, кто кого пересмотрит. Стою и как заведённая кричу одно и то же: – Тато, вот волк!

Я не знаю сколько минут я так кричала: «Тато, вот волк! Тато, вот волк!» А нет нигде никого. А потом тот волк потихоньку стал разворачиваться. Передние ноги его были на поле возле меня, где я полола, а задние ноги были в разоре, где был край нашего загона. И вдруг я слышу, что кто-то едет волами по лесной дорожке, которая проходила вдоль нашего поля. Это потом я поняла, что волк первым услышал скрип телеги и голос возницы:

– Цыба, Цыба, ксок, ксок, ксобира-буй, ксобира-буй, Цыба сивуй, Цыба!

Голос до меня донёсся такой. А я стояла как остолбенелая и наблюдала за волком, который услышал, что по дороге некто едет, колёса по тем оврагам «гопи-гопи» скрипят. Человек всё волов погоняет, командует, куда им надо поворачивать и объезжать яруги. А волк развернулся как-то странно, будто у него шею заклинило, и пошёл не спеша в сторону леса, болота, высокой рыжей травы. Постоял немного, посмотрел на меня и продолжил путь. Отошёл немного и снова стал и стоит, надзирает за мной, будто никак не хочет расстаться. А я стою как под гипнозом, не воруюсь, не могу отвести взгляд от его глаз. При этом продолжаю кричать как заклинание:

– Тато, вот волк! Тато, вот волк!

Волк опять стронулся с места и пошёл в конец загона, где было посеяно просо, и скрылся в высоких зарослях мха и рыжей травы. Как только он скрылся из виду, у меня включились ноги, и я на деревянных ногах стала выходить на дорогу, где люди ехали и было моё спасение. Опять вернулся страх, от которого напал колотун, я вся трямтела как в лихманке (дрожала как в ознобе), а зубы стучали не переставая.

На тех волах ехал мужик и две женщины. Не местные. Проехали краем поля и остановились. Ездили они в гости на Плечишье, а сами были из Хоростова, из тех хуторов. Остановились, поговорили со мной, успокоили, посоветовали перейти на другой край поля, подальше от леса и волка. Я немного пришла в себя и стала полоть опять. А сама всё посматриваю, не идёт ли волк. Всё гляжу туда, куда тот волк исчез. И вижу – волк снова идёт обратно ко мне, трава рыжая колыхается. И опять всё началось сначала. Я поднялась закричала:

– Тато, вон волк. Господи.

И тут появляется из той травы мой папа и бегом ко мне. Он сразу всё понял. Прибежал на поле, когда почувствовал неладное с доней. Перестал косить, потому что перед глазами появился туман и полились слёзы. А в том тумане возникла небожница (покойница) мама: «А я же тебе говорила, девку нигде не оставляй саму. А на что же ты её оставил? Там же вокруг неё волк крутится. Беги быстрее через Белогорку».

Наше урочище и поля находились в так называемой Белогорке.

Папа говорил, что бежал он в эту Белогорку напрямки через непроходимое болото, через которое даже зверь не проберётся, и нигде ни разу не провалился.

– А я думала, то волк обратно идёт ко мне.

– Пошли, дочка, домой.

Да за меня. И завёл меня в тот стан, где косил траву. С тех пор меня саму никуда не отправлял. Пошёл назавтра и к тётке, и к бабке и всё рассказал.

– Берите девку с собой. И пропалывайте вместе и своё и моё поле.

Тётя Александра подтвердила, что нельзя оставлять девку саму в лесу. Волк от неё не отстанет и будет преследовать. И я с тех пор всю весну ходила и с тёткой, и с бабкой полоть то просо.

Почему тот волк не съел меня, я не знаю. Однако встреча с волком повторилась. И не один раз. А может, это были другие волки. Кто их знает. Ведь волки для человека – все на один капыл. Но встречи с волком повторялись. Но это уже другие истории. И волк, и немец меня оставили в живых, хотя могли... и не оставить.

Королевская змея

Поехала мама с папой в краму, а мне сказали:

– А ты займи эти четыре коровы, погоняй туда, где гаёк. Там типец (вид травы), коровы наедятся, и пригоним накормленных домой.

Потом, когда они уехали, я выпустила и погнала этих коров на пастбище. Гоню коров, а они в жито бегут. Туда нельзя пускать – это жито не только наше, но общее. У всех селян было по загону этого жита посеяно, а у кого по два, а то иногда и три. Я решила, что направлю этих коров другой дорогой – через мох, тем более там и дорога короче. Перед участком, где мох рос, находилась чаща багнику и заросли непроходимые. Я решила гнать коров в том направлении. А они не идут ни в какую. Что хочешь с ними делай. В ту пору сучка была у нас, звали Филя. Она мне стала помогать гнать коров. Одну подгонит, побежала вторую гнать, первая возвращается назад, потом удирает вторая. Ни одна не идёт, стоят как вкопанные, и собака не помогает. А потом коровы постали, по ветру голову повытягивали. А, думаю, волка учуяли. Вот почему не идут. Прошла два шага вперёд. Смотрю. Что это. Я в крик:

– Филя, вовка, Филя, вовка!

А Филя мне по ногам топчется. Коровы же завернулись с того мха да побежали обратно на поле. А Филя меня за спадницу (юбку) тянет, не пускает идти вперёд. Я того Филю ногами отгребую, а он уже за ноги хватает, то за одну, то за другую. Потом опять за юбку уцепился что есть силы. Слышу, рвётся моя юбка, трещит по швам. Так что это происходит? И тут я смотрю боковым зрением, а на купине лежит змея. Недалеко от меня, метров четыре-пять. Не дальше.

Поразили её глаза, большие. Чуть поменьше человеческих и круглые, как копейки. Какие-то святищиеся изнутри. Таких глаз у змеи не бывает. Я много видела гадюк и медянок, но такую змею увидела впервые. И глаза, такие большие глаза, слегка прижмуренные. Она смотрела на меня против солнца. И на голове то ли корона не корона, может, башлык какой-то. Со страху я начала звать собаку на помощь:

– Филя, вовка, Филя, вовка.

Змея приподняла голову на несколько сантиметров и стала похожа на королеву с короной, находящейся на троне (купине). Я стала её разглядывать. Похожа на гадюку, но не чёрная, а рыжая, как осока ранней весной. Очень толстая, толще колбасы деревенской. Обхватить можно было бы только двумя руками. Как только она стала вставать, я – ходу, подальше от змеи, да за теми коровами на поле. А Филя бежит впереди меня и оглядывается.

Потом я ходила с друзьями смотреть на ту купину, трон змеи-королевы. Коровы у той купины не ели траву. А сама купина усохла до самого грудка. Мы ещё несколько лет наблюдали за той купиной. Травка выросла совсем чахлая и была похожа на проплешину среди высокой зелёной травы, которая росла вокруг.

Тот ли волк

Как-то пасли мы с сестрою наш домашний скот. Сестра коней, а я корову. Табун состоял из людских коней, и пасли по очереди. Была договорённость. У кого один конь, один день пасти и т. д. А корова была наша и паслася без стада, около сестры, чтобы не скучно было и не боязно. Коней

и коров гоняли отдельно, чтобы не смешивались. Первыми выгоняли на пашу коров, а потом коней. Та же очередь соблюдалась по дороге домой. Вначале идут домой коровы, а потом надо гнать коней. Как положено, корову пустила я наперёд коней, а кони вышли из этого болота на остров. И тут сестра зовёт меня:

- Лида, ходи сюда. Одного коня у нас не хватает.
- Может, ты неправильно посчитала?

Она пересчитала ещё раз.

- Я их уже пять раз пересчитала. Всё равно одного не хватает.
- Беги в тот олешиничек. Они все там паслись.
- Я считала, когда они в олешиничек шли.

– На дубца да беги поскорее.

Я и бегу по того коня да и кричу:

- Тютька, коня, Тютька, коня!

А тютика у нас не было. Не было собаки у нас. Я бегу и слышу топот какой-то впереди. Что там за топот? Я пригнулась, присмотрелась.

- Ой, там целая куча ног.
- Антя, тут не один конь, а много ног виднеется.
- Занимай всех да гони сюда.

Я бегу туда и всё кричу:

- Тютька, коня, Тютька, коня!

Подбегаю я ближе... То наша кобыла и жеребёнок возле неё. А рядом волчище стоит около них. Такой огромный-преогромный. По загрибок той нашей кобыле.

– Антя, скорей иди сюда, бо здесь волчище здоровенный стоит. Ой, какой большой. Чуток меньше нашей кобылы.

А кобыла прижала жеребёнка мысою к передним ногам, к перстам, а задними всё с ноги на ногу переступает. А волк стоит рядом.

Я зашла с того боку от лесу. Кобыла тихонько ржёт: «Иго, иго-го». Видно, успокаивает своё дитя, приказывает ему, мол, не вылазь, держись, держись рядом. Слышу, бежит сестра уже с кием. А я опять заладила своё:

- Ой, Тютька, вовка! Тютька, вовка!

Вы думаете, волк убежал? Как бы не так. Он отошёл на метра два, вошёл в хмызник и стал наблюдать за нами. Стоит рядом и оценивает силы, свои и наши.

Мы за эту кобылу взяли с двух сторон и мало-помалу начали отводить от волка. Кобыла жеребёнка не отпускает от своих ног. Она так идёт и держит жеребёнка при себе. А волк стоял и жадно смотрел, предвкушая скорую трапезу. Если бы не Антя, волк предпринял бы попытку утащить жеребёнка – самую лёгкую добычу. Меня он не воспринимал как помеху для охоты. Потихоньку привели мы эту кобылу с жеребёнком из олешиника в табун к лошадям. Лошади тоже вели себя беспокойно. Стригли ушами и собрались в круг головами, а ногами наружу. По-видимому, готовились к отражению нападения. Стоял ли волк там и следил за нами или ушёл, понял, что шансов нет, нам это неизвестно. Дома про волка договорились не рассказывать по совету Анти.

Вышла я замуж и рассказала мужу своему, ныне покойному Ивану, про этого волка. Рассказала, что волк был по захлябу (загрибок) кобыле. Наша кобыла немалая была – довольно большая, толстая. А Иван смеётся:

– Таких волков не бывает на свете. Ты была сама малая, тебе все казались большими, в том числе и тот волк.

– Нет мне не показалось. Он действительно был очень огромный. Длинный, высокий и масти странной, не сивый (серый), а какой-то рыжий (палевый). Наша кобыла была рыжая, а тот волк ещё рыжее и посветлее. А глаза чёрные. Пасть полуоткрытая, и большие белые клыки виднелись.

Прошло время. У нас уже было трое детей. Иван был шофёром и возвращался с рейса. Ехал он по лесной дороге через урочище Росошки. Там осушили болото и было поле с покосами. И вдруг видит Иван волка, которого я описывала. Не волк, а маленькая лошадка или большой жеребёнок, лисьей масти, чёрные глаза и белые клыки торчат как у дика. Иван остановил машину и стал внимательно рассматривать этот экземпляр. Приехал домой и первым делом:

- Слушай, Лидзвина, я видел твоего волка.
- Иван, тебе волк сам рассказал, што мы близкие знакомые, што он мой? Откуда ты знаешь, што он мой?
- Да я уверен. Я видел того самого волка, про котрого ты мне рассказывала. Такой большой. Если сам не увидишь, то не поверишь. Он огромный!
- Иван, разве волки столько живут? Прошло уж около сорока лет.
- Ну, то его дети удалися в эту породу. Даже масть совпала.
- А может, такие здоровенные и живут долго.

4. ВОЙНА

Новый немецкий «порядок»

В деревне лошадей пасли по очереди. У нас в хозяйстве было две лошади, поэтому папа пас общий табун два дня. Я ловила момент и пристраивала к табуну нашу корову. Таким способом получала выходной в работе пастуха. Правда, выходной был урезанный, потому что папа тоже старался использовать меня в качестве подменного пастуха, а сам делал какую-нибудь работу по хозяйству. Вот так мы с папой пасли табун лошадей и одну корову, подменяя друг друга. Тот день 22 июня 1941 года выдался очень странный. Целый день гремел гром, а небо было ясным и ослепительно-голубым, и ни одной тучки на небосводе. Вся непогода ожидалась с запада, со стороны Гричина. Целый день гремело, вот-вот будет дождь, но ни одной капли дождя не пролилось. Гремело целый день, и к вечеру гремело. А что гремело? Но если это гроза, то почему без дождя. Почему ни над головой, ни на горизонте дождь не прошёл. Всё это было очень странно и непонятно.

Закончился день, солнышко стало прятаться, но его ещё можно было кочергой выгрести назад на небосвод. Такое положение солнца для пастуха означало, что наступил конец рабочего дня и скотину пора гнать домой. Да и животные двигались в направлении дома и с бóльшим усердием обскубали зелёные купины. Пригнали домой лошадей и корову. Папа подал мне дубца большого и наказал:

- Гони коней к Великой луже.

Так называлось место посередине деревни, своеобразная площадь, где происходил разбор лошадей. Каждый хозяин приходил, забирал своего коня, распутывал его, одевал уздечку и вёл домой. Я пришла домой. Своих лошадей и корову загнали во двор, а потом в сарай. Между тем гром усилился. Греть стало так сильно, что аж стёкла в окнах дрожали. Завтра утром над селом пролетел самолёт. Все смотрели на это чудо и говорили:

- Ероплан видел?

Потом вечером пришли сельсоветчики и объявили, чтобы из села все выехали в лес. Представители власти слово «война» не говорили, но взрослые тихонько друг с другом обменивались информацией:

- Видно, война началась. Вот почему громыхало вчера целый день. Германец всё-таки напал.

Дальше было велено: к ночи и коней и коров чтоб заняли и чтобы позамыкали избы. Мы, соседи в составе четырёх семей, которые жили на ближнем хуторе, запрягли телеги, привязали коров и лошадей и поехали между болотами на остров, где был построен стан (летняя ферма). Также заняли свиней и овец, стреножили и погрузили на воз. Пока разгрузили и привязали крупный рогатый и мелкий скот, то спать улеглись за полночь. Такой была первая ночёвка в лесу.

В конце июня рано виднеет. Как только рассвело, мама меня будит:

- Свиньи уже повставали, есть же хотят. Гони, доня, свинок на пашу на край острова, там трава зелёная, пусть покормятся. На меже дубы растут, там много желудей. То они понаедаются и будут снова лежать.

Мужики, не боясь чужого уха, уже открыто стали говорить про войну. Некоторые успокаивали:

- Ничего, скоро закончится. Мы немца на их территории разобьём. Другие, кто постарше, курили самосад.

- Война не скоро закончится. Беда большая надвигается.

- Да не разводи панику. Это тебе не первая империалистическая, когда фронт стоял на одном месте около года. Сейчас техника. Ероплан видал?

- Так, может, это был немецкий ероплан.

– Говорят, что немцы уже в Бресте воюют. Слышали, что вчера гремело: то была кононада от гарматных выстрелов. Ветер был оттуда. Я помню такую кононаду ещё с империалистической.

Однако дослушать мне эту политинформацию до конца не удалось.

– Мама, ну, я погнала свинок на выпас, пусть они наедятся желудей.

Свиньи любят эту бобовню (дубовые жёлуди). Сижу я под дубом, солнышко пригревает, свинки хрумкают жёлуди, а я дремать стала. А потом слышу, одна свинка стала угрожающе гукать, а на загравке шерсть у неё встала дыбом – ошетижилась. Гляжу, подымается из той травы человек и идёт ко мне. Узнала. А ведь это дядя Ваня, моей тётки Марили муж. А его ведь забрали на войну пару дней назад, а нам только вчера вечером сказали, чтобы все уходили из деревни. Под призыв попали определённые годы рождения, точно не знаю какие. Надо было взять с собой сменное бельё, а также на две недели хлеб, сало и другой провиант, какой есть. Это были первые мобилизованные на войну с нашей местности. По рассказам дяди Ивана, они пешком зашли в Микашевичи, сели на поезд, доехали до Синькевич. А им навстречу немцы, которые уже двигались на Полесье встречным поездом. Наши мобилизованные все с того поезда поутекали и по лесу добирались пешком по домам. Но как добраться до дома? Во-первых, надо было перейти болото. Во-вторых, надо было хорониться от чужого глаза, чтобы никто не видел. Фактически мобилизованные стали дезертирами. За это по головке не погладят. Дядя у меня спрашивает:

– А сколько вас здесь?

А я ему рассказала:

– На острове все наши – тётка, жена ваша и двое детей. И дед, и баба, и дядя, и Диана, и ещё и Хведора. – Так звали соседку. А он говорит:

– То иди да скажи, чтобы тётка сюда пришла ко мне. Говори тихо, чтобы никто не услышал.

– А как же мои свиньи? Если они разбегутся по кустам, как я потом их найду?

– Я попасу твоих свинок.

Дядя остался свиней моих пасти, а я побежала к тётке. Подбежала к тётке и за сподницу её схватила.

– А чего ты, а что ты?

– Слушай сюда.

– А что случилось?

Только шепчу ей:

– Никому не говори. Дядя Ваня там мои свиньи пасёт. Просит, чтобы ты к нему подошла.

– Где? Сейчас приду.

А я побежала обратно.

– Ну что?

– Вот она идёт.

Как оказалось, там было много людей таких, как дядя. Они не пошли сдаваться к немцам в плен, а разбежались по домам вместе с командирами с того поезда. В основном мужики все были с окрестных деревень. А часть из Микашевич. А немцы ехали из Бреста поездом на Микашевичи, а потом на Россию, на Украину. В начале войны немцев в Микашевичах не было. А мы из лесу на ночь все вернулись в свои дома.

Одна наша сельчанка Федора пошла в посёлок Ленин посмотреть, что там делается. Немцы поразбивали все замки, магазины пооткрывали и разграбили. Окна поразбивали, двери повыламывали. Объявили:

– Всё. Власти большевиков конец. Берите всё, кому что надо, из этих магазинов.

То Хведора принесла торбу тетрадей и карандашей. И мне дала два карандаша и одну тетрадку. А больше ей ничего не досталось. Всё разобрали местные жители. А немцы говорили, чтобы люди на жидов доносили. А сами, если увидят еврея, то сразу его расстреливали. Ещё они объявили на площади о новом немецком порядке – евреям суббота, а русским воскресенье. К чему они это говорили? Это значило, что вначале убьют евреев, а потом – русских. Это означало, что ночь надвигалась на людей, ночь тёмная и беспросветная. А все нации – евреи, русские и белорусы – становятся заложниками, рабами бесправными фашистских ублюдков. Вот что означал новый немецкий порядок.